

Современная теория и практика либеральной демократии

Андрей Загородников

Теория и практика современной либеральной демократии не раз подвергались критике (как, впрочем, и другие философские системы).

Марксисты указывают на внеисторическое понимание человека и общества, свобода которых несовместима с экономическим неравенством.

Консерваторы обращают внимание на абсолютизацию идеи устранения социальных различий в ущерб индивидуализму и таким формам общности как семья, религиозная община.

“Новые левые” призывают изменить костные социальные структуры либерализма, не содержащие якобы гуманистических альтернатив.

Историческая реальность, тем не менее, демонстрирует, что в большинстве индустриальных капиталистических стран либеральная демократия в целом оказалась устойчивой.

Однако временная потеря власти либералами в США, ее ослабление в Великобритании, ФРГ и других государствах, приводит их к необходимости усовершенствовать теорию и практику либеральной демократии.

Выдвигается задача, с одной стороны, придать ей новое качество, а с другой – сделать непротиворечивой существующим общественным институтам, сохранив преемственность с классической традицией.

Гарантия гражданских свобод и политических прав объявляются в соответствии с классическим принци-

пом негативной, то есть неизменной свободы, важнейшим условием самореализации личности.

ЗАГОРОДНИКОВ Андрей Николаевич – Действительный Государственный советник Российской Федерации 2 класса, доктор политических наук, профессор.

Ключевые слова: либерализм, неолиберализм, либертизм, либеральная демократия, консерватизм, неоконсерватизм, новые левые, социал-демократия, марксизм, государство всеобщего благоденствия, жизненные шансы, равенство возможностей, равенство результатов.

Вместе с тем, на смену характерного для классического либерализма представления о неизменной природе человека приходит идея индивида как субъекта, характер и особенности которого формируются и развиваются в ходе деятельности.

Этот тезис включается в базовую для либерализма концепцию естественного права, переосмысленную заново. Традиционно идея естественного права выводилась из тесно связанного с верой в божественное творение понятия о некоей неизменной природе человека.

В современную эпоху концепция естественного права обосновывается тем фактом, что индивид обладает свободой выбора. Равенство прав людей выводится из того обстоятельства, что все в равной мере имеют свободу выбора. А требование относиться к другому, как к равному себе – из факта невозможности реализовать цели индивида вне общества.

Из концепции равного права индивидов на саморазвитие следует, что все члены общества должны иметь равные возможности реализации своих прав во всех сферах жизни.

Корень зла видится в том, что новейшие представления о природе демократии были сформулированы в экономических терминах рыночных отношений, основа которых сложилась еще в 30-х годах под влиянием Нового курса Рузвельта.

“Демократия, – писал Дж.Шумпетер, – есть политический механизм, аналогичный механизму рынка, – своего рода политический рынок, где элиты – продавцы программ, свободно конкурируют друг с другом, продавая свой товар покупателям – избирателям”¹.

Шумпетер и его многочисленные современные последователи, опирающиеся на это определение демократии, не придали большого значения воз-

можности ее перегрузки. Как нереально ограничить вход покупателей на рынок, так нереально и урезать демократию.

Однако сегодня эта проблема носит не “количественный”, а “качественный” характер. У раннего рынка была своя мораль, основанная на христианской этике. Экономические законы рынка и религиозная мораль были конкурирующе-сосуществующими системами. Но исторически рынок вытеснил религию. Экономическая теория демократии была в этом плане и симптомом, и стимулятором такого процесса.

Неспособность критиков демократии увидеть противоречие между рыночными методами и социальной моралью коренится в интеллектуальной традиции социологии знания, идущей от М.Вебера и К.Мангейма, отрывающей факт от ценности и придающей только факту объективный онтологический смысл.

Демократическое участие превращается в “факт”, “явление”, которое оценивается количественно, рыночно.

Сколько участия? Не дорого ли обходится? Демократическое участие без справедливой политической экономики – не существенно. Ведь, демократия это не процедура, а тип общества с определенной социальной моралью. Уменьшить демократию участия можно только недемократическим путем – корпоративной деполитизацией населения или авторитарным правлением.

Страх перед демократией усиливается заложенной в ней идеей “народной воли”, чуждой и неприятной либералу.

“Демократическая доктрина суверенности народа, – пишет либерал Б.Крик, – противоречит человеческому опыту, говорящему, что все развитые общества являются плюралистическими, разделенными на группы интересов, и без этого политика

невозможна”². Не случайно “отец демократии” Руссо стал сегодня одной из главных мишеней либеральной критики.

В определении “либеральной демократии” отражена амбивалентная позиция либерала: демократия оговаривается, ей ставятся условия, она-де часть более широкого феномена – либерализма.

Либерально-демократические политические системы росли вместе с западным капитализмом. Они расцвели только в странах развитого капитализма и не прижились в “третьем мире”.

В истории либерализма термин “капитализм” в значительной мере скомпрометирован и заменен “свободным предпринимательством”, “смешанной экономикой”. Это во многом связано с критической для либерализма проблемой соотношения свободы и равенства. Социальное неравенство повсеместно ассоциируется с социальной несправедливостью. Справедливость же – не менее сущностное понятие, чем свобода и демократия.

Из этого противоречия либерализм выходит с помощью компромиссного тезиса о “равенстве возможностей” – лингвистический и логический симбиоз представлений о статусе индивида, аналогичный симбиозу представлений о статусе общества – “либеральной демократии”.

Этот принцип находится в явном противоречии с практикой наследования капитала, которая исключает “равенство возможностей”, но подчеркивает значимость идеи собственности в онтологии либерализма.

Либерализм, защищающий собственность как основу свободы, не может установить ей пределы, ограничить ее руссоистским минимумом. Поэтому в истории либеральной демократии нет ни нападков на право наследования, ни

попыток серьезно рассмотреть процесс аккумуляции и сохранения капитала.

“Из этого не следует, что либералы сознательно и открыто ориентированы на классовое общество, – заявляет английский левый либерал Э.Арбластер. – По натуре либерал – универсалист. Именно поэтому он просто отгоняет от себя мысль о классе, о классовых ценностях”³.

Вопрос: “Для кого?” – решается либералом однозначно, – для индивида.

Вот почему классический либерализм был в лучшем случае равнодушен к правам профсоюзов и других коллективов и больших групп людей. Современный интерес либералов к правам парламентов, прессы внутренне не присущ либерализму и небезусловен.

Инстинктивная приверженность либерализма свободе не снимала вопроса об оправдании этой приверженности. Свобода как условие творчества, научного поиска; свобода как гарантия от нетерпимости, от убеждения в конечной истине; свобода как залог развития в либеральном направлении призвана оправдать права людей на свою жизнь и на свою картину мира.

Самым уязвимым в либеральном понимании свободы оказывается ее оторванность от материальных реалий.

Свобода, – по мнению американского либерала К.Гоулд, – “должна быть истолкована как деятельность, направленная на саморазвитие личности и требующая не только отсутствия внешнего принуждения, но и доступности социальных и материальных условий, необходимых для реализации целей и планов индивида”⁴.

В социальной философии либерализма обосновываются две формы свободы, как и два разнонаправленных типа равенства, взаимодополняющие друг друга и восходящие к XVIII в. к учениям Дж.Локка и Ж.-Ж.Руссо.

Первый смысл демократии видел в обеспечении свободы каждого индивида

да. Второй – основное содержание “Общественного договора” связывал с таким демократическим порядком, который обязывает всех служить коллективному благу.

В первом случае защищается независимость индивидуальной свободы от коллективистского начала. Во втором – свобода личности преломляется в фокусе социального равенства как первоосновы общества.

Дж.Локк в противоположность Ж.-Ж.Руссо акцент делал не на универсальной концепции гражданства, а на отстаивании интересов личности перед групповыми интересами.

Усилия помирить свободу и равенство красной нитью проходят через всю историю либерализма.

Позитивный результат здесь может быть достигнут, если равенство не будет ограничиваться традиционным представлением о равенстве политических прав индивидов и граждан перед законом. Главным должно быть наличие равных прав всех членов общества на те социальные, экономические, духовные блага, доступ к которым является необходимым условием развития личности.

Справедливость должна быть понята как принцип равенства свободы индивидов. Свобода и равенство в этом случае взаимно предполагают, а не отрицают друг друга.

Свобода, приватность и терпимость выступают в либерализме как идеальные ценности, для реализации которых нужны ценности вспомогательные: законы и конституции. Эти ценности определяют главное политическое требование либерализма – контроль над исполнением законов.

Причем объектом контроля выступают в полном противоречии с онтологией либерализма – “фиктивные” структуры: государство ответственно

перед нацией, законы должны служить народу, конституция определяется и контролируется обществом.

Главная правовая идея либеральной демократии – идея легальности, подчинения всех органов государства закону. Отсюда следует вопрос об источнике закона. Если нет никакой, ни природной, ни божественной, ни нравственной нормы, закон может быть порождением лишь эгоистической воли и субъективного мнения, равно как и его интерпретация и применение.

Абстрактность либерального законодательства имела двойной смысл, включающий и рационализирующую-правовую доминанту, и “закон, – говоря словами А.Франса, – его величество, равно запрещающий богатому и бедному спать под забором”.

В теории либеральной демократии закон не мыслим без той анонимной функциональности, индивидуального социализирующего подхода, который с трудом сочетается с индивидуалистической этикой.

Закон в либеральной философии понимается как неизбежное зло, противостоящее свободе. Способ его контроля содержится в принципе разделения властей.

Многие либералы от классика И.Бентама до современника И.Берлина откровенно писали, что импульс к свободе противопоказан. Но немногие из них отважились признать, как это сделал Э.Арбластер, что “свобода существенно важнее демократии”³.

В глубине этого противоречия лежит недоверие к демократии как к закону потерявшей индивидуальность толпы, безличного большинства. С точки зрения Т.Джефферсона, – “семьдесят три деспота не лучше одного”. Критерий истинного либерализма, по лорду Аткинсу, состоит в “отвращении к невежеству и предвзвешанности большинства”.

В процессе эволюции идеологии либерализма выделились три модели демократии.

Классический либерализм, в наиболее открытой форме высветивший проблему индивидуальности, апеллировал к общественному идеалу как совокупности равных перед законом индивидов, обладающих неотъемлемыми правами и свободами, вступающих в договорные отношения между собой в соответствии с принципом разумной выгоды.

Социальные отношения в этом случае рассматриваются как нечто внешнее по отношению к человеку. Чрезмерное внимание уделяется неограниченному накоплению собственности. Значимость экономических условий для реализации политических свобод недооценивается.

В середине XX в. сформировалась концепция *“плюралистической демократии”*, рассматривающая социально-политическую жизнь общества как сферу проявления социальных конфликтов между различными общественными группами, временно объединяющимися или разобщающимися в зависимости от текущих задач.

В соответствии с таким подходом, политика понимается как процесс борьбы элит, в первую очередь, во время выборов с целью утверждения своего права выражать интересы тех или иных групп давления. Таким образом, перманентно воспроизводится сложившаяся властная структура.

С распространением в общественном сознании социалистического учения в либерализме, воспринявшем ряд его идей, сложилась концепция *“холистического социализма”*, трактующая общество как некую целостность, состоящую из функциональных частей – индивидов. При таком социальном устройстве человек приобретает столько свободы, сколько отдает обществу.

“Холистический социализм” на практике ведет к недооценке необходимости обеспечения прав личности, к утверждению авторитарных и недемократических форм принятия решений элитой, действующей якобы от имени народа во имя общего блага.

Анализируя модели либеральной демократии, американский политолог профессор Суортморского колледжа Принстонского университета Ч.Р.Бейтц отмечает, что при всем многообразии они содержат общее противоречие: при абстрактном признании равенства прав всех участников политического процесса их реальные возможности достижения определенного результата не принимаются во внимание⁵.

Исток этого противоречия заключается не только в том, что в рамках упрощенного понимания политического равенства смешиваются различные уровни абстракции, в результате чего политическое равенство как общий принцип отождествляется с равенством процедурных возможностей. Причина указанного несоответствия состоит в том, что рассматривать проблему политической справедливости как проблему равенства влияния можно только тогда, когда предполагается изначальное существование у каждого из участников политической деятельности сформировавшихся предпочтений. В таком случае политические партии, избирательные компании, выборы исполняют роль фильтра, отбирающего те политические программы, которые получают поддержку избирателей.

На этом стыке возникает центральная для либерализма XIX, XX и XXI вв. проблема *“выравнивания”*, которая решается либералами в основном в двух направлениях.

Первое связано с достижением политического равноправия, осуществление которого, как предполагалось, по-

может создать политический рынок, способствующий более равномерному и справедливому распределению создаваемого богатства. Эта задача определяла деятельность либералов и либеральных радикалов передовых европейских стран в XIX–XX вв., но лишь в пределах реального социокультурного и социального неравенства, то есть при заведомо различной эффективности социокультурных и социальных групп в реализации своих формальных политических прав.

Второе направление касается непосредственно социальной политики (социального законодательства) либеральной элиты и системы социально-экономического балансирования на основе принципов экономического компромисса с профсоюзами и организаторами забастовок. Эта задача в основном решается уже в XX в., причем в большей степени “либеральными” социалистами (социальными либералами).

Либерализм как социально-политическое движение “просвещенной” элиты выполнил свои задачи. С социальными проблемами теперь лучше справляется массовая классовая партия, соответствующая выросшему социокультурному уровню людей труда, которые однако ни в социальном, ни в культурном смысле не стали еще интеллигентами.

Эти массовые партии, как, например, Социал-демократическая партия Германии, не ставят перед собой просветительских задач такого масштаба, как это задумывалось либералами. Более того, они представляют обычно лишь одну сферу социального разделения труда. Но поскольку она действует в рамках сложившейся либеральной системы, в том числе системы ценностей, среди которых ценности и приоритеты просвещения сохранили в большей или меньшей степени свое значение, действует и сама система, хотя ее интел-

лектуальное начало и “просвещенная” направленность утрачивают свою интенсивность.

Когда возникло массовое общество “государства благосостояния” со всеми его интеллектуальными и культурными издержками, где либералам отводится роль либо радикального духовного и культурного авангарда на уровне социальной критики, в этом случае они начинают склоняться влево. Либо роль охранителя политической и духовной культуры просвещения, в этом случае они склоняются вправо, сближаясь с консерваторами, образуя направление либерального консерватизма.

Таким образом, сложность создания общей теории либеральной демократии не в последнюю очередь связана с тем, что либерализму не удалось в полной мере справиться со своей собственной противоречивостью. И по сей день не найдено теоретического средства для сравнения индивидуальных затрат представителей различных социальных категорий населения в общей системе функционирования общества.

Закончила ли свой жизненный путь либеральная демократия?

Профессор политических наук университета Торонто К.Б.Макферсон полагает, что здесь может быть двоякий ответ. “Да, – отвечает он, если она означает демократию капиталистического общества с его рыночным хозяйством (неважно насколько оно модифицировано подъемом “государства благосостояния”). Нет, – полагает Макферсон, – если понимать под либеральной демократией то, что имел в виду Д.С.Милль и его последователи – то есть общество, где все его члены одинаково равны и свободны в реализации своих потребностей”⁶.

Продление сроков жизни либеральной демократии, по мнению Макферсона, прямо зависит “от постепенного снижения значения для общества этики рынка и возвращения принципа равенства. Конкретно в

политической сфере это означает всяческое развитие институтов "демократии участия"⁶.

Процесс усвоения реформистским либерализмом "демократии участия" представляет особый интерес. Требование "участия" было выдвинуто в 60-е годы XX в. "новыми левыми" и развернуто затем через движение рабочего класса за рабочий контроль на производстве в популярное на Западе альтернативное коммунитарное движение. То есть демократическое внепартийное участие ранее пассивных людей в решении повседневных жизненных проблем на уровне региона, города, поселка, осознаваемых теперь ими как общины ("комьюнити").

В "демократии участия" либералы увидели возможность предотвращения взрывов социального протеста. Что же, на их взгляд, нужно для этого сделать?

Во-первых, решительно изменить сознание людей, совершить своеобразную культурную революцию. То есть, превратить западных обывателей из потребителей в людей, осознавших необходимость установления новых отношений между собой на принципах разума, коллективной ориентации, сотрудничества.

Во-вторых, устранить кричащее социальное и экономическое неравенство за счет добровольной дележки. Как бы обращаясь к правящей элите капиталистического общества, Макферсон поднимает вопрос обо все возрастающей цене, которую последней приходится платить за сохранение социального неравенства и привилегий.

Достижение этого идеального порядка Макферсон связывает с двумя моделями "демократического участия"⁶, а именно:

"Пирамидальная модель" общественного устройства предполагает сочетание прямой демократии на местном

уровне с делегированной демократией на региональном и национальном уровнях. При этом сохраняется возможность подотчетности вышестоящих органов нижестоящим.

"Демократия участия", воплощенная в деятельности коммунитарных групп и органов рабочего контроля на производстве, могла бы реализовать более радикальные эгалитарные проекты в области социальной политики, чем это могла себе позволить бюрократия "государства всеобщего благосостояния".

"Комбинированная модель" представляет собой сочетание "демократии участия" с существующей плюралистической партийной системой. Эта модель позволила бы обществу лучше справляться с возникающим в нем социальным напряжением, надежнее гарантировать "национальное согласие" в переходный период слома традиционных политических структур.

Согласно Макферсону, развивающийся процесс роботизации и автоматизации, уменьшающий потребность в росте производительности труда самого человека, постепенно снимает с повестки дня наиболее болезненный для капитализма вопрос о фактическом, а не формальном праве каждого на равный труд и соответствующую долю общественного богатства.

Рассмотренным моделям либеральной демократии присущи многие черты утопии.

В основе ее – далеко не бесспорные послышки о гармонии интересов всех членов общества, о рациональной обусловленности социального выбора, о том, что демократические формы правления вызываются к жизни экстремальными обстоятельствами.

В утопических проектах содержится отзвук идей раннебуржуазного либерализма. Тогда, как и сейчас, либерализм боролся за жизнь. Тогда, чтобы ро-

даться в качестве новой юной идеологии, сейчас, чтобы выжить на правах старой, доброй, проверенной временем позиции “справедливого и всепонимающего центра”.

И тогда, и сейчас борьба за жизнь заставляла либерализм отказаться от избранной им на форуме социальных идей роли партии “здорового смысла”, реалистического, трезвого мышления.

Став достоянием большинства политических партий, либерализм с присущим ему скептическим рационализмом не считает ничто, включая самого себя, неизменным. Его задачей всегда являлось формирование изменений.

Либерализм уже давно в большей мере определяется методом разработки и проведения политики, чем общепринятым, закрепленным программным содержанием. Именно поэтом, по мнению профессора политологии университета в Бонне К.Д.Брахера, “уже не единожды объявленный мертвым, он стал, основой парламентской демократии Запада”⁷⁷.

Можно выделить следующие этапы в развитии концепций либеральной демократии.

В XVIII в. сложилась концепция свободного и равного права людей на саморазвитие.

Из нее следовало, что все члены общества должны иметь равные возможности реализации своих прав в политической, социальной, экономической, культурной и других сферах жизни общества. Уже в самом начале эта концепция содержала антиномию свободы, понимаемой Локком как самовыявление личности в независимой от

коллектива только ей присущей области; и равенства, расцениваемого Руссо как основу коллективного блага.

В XIX в. предпринимались попытки, прежде всего И.Бентамом и Д.С.Миллем, снять противоречие между свободой и равенством посредством предоставления малоимущим, в первую очередь рабочему классу, необходимых материальных благ и избирательного права с целью гармонизации общественных отношений.

“Искусство хорошего управления, – отмечал Милль, – состоит в том, чтобы обеспечить наибольшее благосостояние наибольшему числу людей”⁷⁸.

В конце XIX – первой половине XX вв. в США примирить свободу и равенство стараются при помощи концепции “демократии равновесия”, согласно которой демократические режимы действуют в соответствии с экономическими законами рынка.

“Эти режимы, – считает профессор университета Парижа, французский социолог Г.Эрме, – формируют политический рынок, где царят конфронтация и конкурентное участие большого числа действующих лиц и интересов”⁷⁹.

Во второй половине XX – начале XXI вв. согласование интересов в политических, культурных и иных социальных институтах осуществляется на так называемой широкой демократической основе посредством сочетания прямого участия граждан в управлении делами общества с демократическим представительством в центральных органах. Воплощение демократических принципов в жизнь связывается также с местным самоуправлением на уровне общины, других форм сообщества.

Рассмотренные концепции в большинстве своем изображают картину идеального общества. Однако теория демократии должна также отвечать на вопрос о наилучшей форме политического устройства.

Если свобода заключается лишь в сохранении элементарного права на жизнь для тех, кто испытывает крайнюю нужду, то весьма полезной в деле установления

“предпосылок к демократии” различных обществ является показатель экономического благополучия, способный свести к нулю значение политического равенства и идеал эгалитаризма.

В 1973 г. американский профессор политических наук Дж.Роулс в книге “Теория справедливости”, возбуждающей пылкие умы и поныне, указал на простую очевидность. В современном обществе массы людей страдают от своей обездоленности, ущемленности, неудачливости. И это страдание не уменьшается по мере роста объективных показателей национального благосостояния, следовательно, его причины в несправедливом порядке распределения благ, причем не только материальных, но и духовных¹⁰.

Как же распределять? “По максимуму” – “Дай каждому возможность стать лучше, чем он есть; стать таким, как самые лучшие”? Или “по минимуму” – “Не мне лучше, но другому не лучше, чем мне” или “Никому лучше, чем другому”?

Если посмотреть на либерализм под этим углом зрения, то он противостоит, с одной стороны, антиэгалитарному консерватизму, а с другой – аскетическому эгалитаризму популистского толка.

Поэтому либеральная демократия исторически оказывается приемлемой в большей мере для просвещенных буржуа и буржуазной интеллигенции. В индустриальном западном обществе – это средний (основная масса населения), высший средний и высший классы. Это – большая часть общества, объединенная сходными взглядами на социальное устройство, распределение, потребление, политическую культуру.

Примечания

¹ Цит по: *Benett D., Sharpe K.* Is there a democracy overload? // *Dissent*, Univ. of Calif. 1984. № 4. P. 321.

² *Crick B.* In defence of Politics L.: Penguin books. 3-ed., 2006. P. 48.

³ *Arblaster A.* The Rise and Decline of Western Liberalism. Oxford: Blackweel. 3-ed., 2004. P. 90, 75.

⁴ *Gould C.* Rethinking Democracy. Freedom and Social Cooperation in Politics, Economy and Society. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1999. P. 32.

⁵ *Beitz Ch.R.* Political Equality. An Essay in Democratic Theory. Princeton Univ. press, 1999. P. 6–7.

⁶ *Macpherson C.B.* The Life and Times of Liberal democracy. Oxford. 4-nd ed., 2007. P. 11, 12, 108.

⁷ *Bracher K.D.* Wie tot ist der Liberalismus. Hamburg: Reinbek bei, 2005. S. 147.

⁸ Цит по: *Himmelfarb G.* On Liberty and Liberals. The case of John Stuart Mill. N.Y. 3-nd ed., 2007. P. 116.

⁹ *Hermet G.* Le Peuple Contra La Democratie. P.: Payard. 2-nd ed., 2005. P. 24.

¹⁰ *Rawls J.* The Theory of Justice. N.Y., 1973.